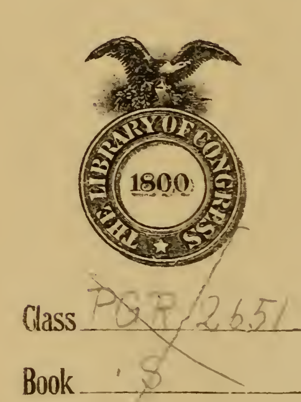

PG 3447
.Z3S8
1846

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Н. П. Вронченко

Какъ совѣстно мнѣ глупое посланье
За доброе участье вамъ дарить,
За лестное радушное вниманье
Повѣрьте; я умѣю ихъ цѣнить.
Примите же мое нескладное болтанье,
Его прошу васъ строго не судить, —
Я, право здѣсь и говорить отвыкла
Подумала — и головой поникла.

Потомъ, — влеченью тайному послушна, —
Перо печально, робко, я взяла...
Что вамъ сказать? Здѣсь снова скучно,
Однообразно жизнь моя пошла, —
(Какъ хорошо что къ ней я равнодушна,
Безстрастіе спасаетъ насъ отъ зла)
На эту жизнь гляжу какъ на пустыню,
Имѣю въ душѣ поэзіи святыню

Я берегу — небесной благодати
Она залогъ. — Порою я невинно
Всѣ хитрости, движенія нашей знати,
За нею я подсматриваю обычно,
И мѣтко иногда словечко къ стати.
(Неговорливость знаете мою!),
Но скоро мнѣ надоѣдаетъ это.
Съ восторгомъ жду весны и лѣта,

Чтобы опять, съ высокимъ наслажденьемъ,
На небо мнѣ далекое глядѣть,
На звѣзды, облака, съ самозабвеньемъ,
Передъ Творцомъ всего благоговѣть

Проникнувшись невольным вдохновеньем
С радости и счастью сладко петь.
Опять увижу я деревья, воду!
Безумно, страстно я люблю природу...

Ах, скоро ль я услышу первый громъ!
Ах, скоро ль туча первая промчится
И землю вешним обольетъ дождемъ?
Моя душа съ ней вмѣстѣ освѣжится,
Ей будетъ все теплымъ, свѣтлымъ кругомъ.
Мнѣ это даже и во снѣ не снится.
Мнѣ снится, что деревья раззвѣтаютъ,
И, распускаясь, цвѣты благоухаютъ..

И, вырвавшись, какъ будто изъ темницы,
Лечу я надъ землею — высоко,
Лечу, быстрой, свободной вольной птицы
И мнѣ такъ сладостно и такъ легко.—
За мною въ слѣдъ несутся вереницы
Холодныхъ облаковъ, и далеко
Оставивъ за собой ихъ, безъ вниманья
Я бъ забыла все; съ святыней упованья!

Не жалко ли поэта положенье?
Не грустной на землѣ его житье?
Лишь только начнетъ мнѣ улечивъ
Свободу; лишь только, что мое
Звание — строгое воспитанье

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЮЛІИ ЖАДОВСКОЙ.

Санктпетербургъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, февраля 13-го дня 1846 года.

Цензоръ А. Никитенко.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЫНѢ,

ВЕЛИКОЙ КНЯЖНѢ

ОЛЬГѢ НИКОЛАЕВНѢ.

съ благоговѣнiемъ посвящаетъ

всенижайшая слуга

Юлiя Жадовская.

I.

Лучшій перлъ таится
Въ глубинѣ морской;
Зрѣетъ мысль святая
Въ глубинѣ души.
Надо сильно бурѣ
Море взволновать,
Чтобъ оно въ бореньи
Выбросило перлъ;
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она въ восторгѣ
Выразила мысль.

II.

ПРИБЛИЖАЮЩАЯСЯ ТУЧА.

Какъ хорошо! въ безмѣрной высотѣ
Летятъ рядами облака, чернѣя,
И свѣжій вѣтеръ дуетъ мнѣ въ лице,
Передъ окномъ цвѣты мои качая;
Вдали гремитъ, и туча, приближаясь,
Торжественно и медленно несётся...
Какъ хорошо! передъ величьемъ бури
Души моей тревога утихаетъ.

III.

Не на землѣ ищи ты вдохновенья,
Не въ этой жизни бѣдной, мѣлочной;
Но болѣе, въ часы уединенья,
Гляди на небо, съ мыслію святой —
И думы чистыя въ умѣ твоемъ родятся,
Забьется сердце чаще и сильнѣй,
И чувства всѣ надеждой озарятся:
Душою станешь ты и лучше и свѣтлѣй.

IV.

СТРЕМЛЕНІЕ.

Туда, высоко, къ небесамъ !
Мнѣ тѣсно ; сердце воли проситъ
И дума въ даль меня уноситъ,
Туда, къ безчисленнымъ звѣздамъ!
Я тамъ забыла-бъ все земное —
Людей, съ ихъ жалкой суетой ;
Одно сокровище святое
Взяла-бъ я въ небеса съ собой!
Оно отъ нихъ, дано мнѣ ими;
Ему пріюта въ мірѣ нѣтъ :
Его пороками своими
Мрачитъ лицепріятный свѣтъ.
Туда, высоко, къ небесамъ!
Мнѣ тѣсно ; сердце воли проситъ
И дума въ даль меня уноситъ,
Туда, къ безчисленнымъ звѣздамъ!

V.

ВОДЯНОЙ.

Тамъ, гдѣ на рѣкѣ
Мельница шумитъ,
Разъ я, въ вечеръ тихій,
Стукъ ея колесъ
По зарѣ внимала;
Вдругъ изъ струй холодныхъ,
Какъ туманъ, сѣдой,
Надъ рѣкой поднялся
Дядя-Водяной,
Бороду густую
До колѣнъ спустивши
И зелёны очи
На меня уставя.
Духа водянаго
Разсмотрѣть желая,
Я къ шумливой рѣчкѣ
Подходила ближе...
Но, всплеснувъ струями
И холодной пѣной
Всю меня обрызгавъ,
Онъ исчезъ въ туманѣ!

VI.

ВОЗВРАТЪ ВЕСНЫ.

Чтó въ душу мнѣ такъ дивно льётся?
Ктò шепчетъ сладкія слова?
За чѣмъ, какъ прежде, сердце бьется,
Невольно никнетъ голова?...

За чѣмъ отрадою нежданной
Опять я, грустная, полнà?
За чѣмъ весной благоуханной
Въ сны счастія погружена?

Надеждъ, уснувшихъ такъ глубоко,
Ктò разбудилъ кипучій рой?
Прекрасно, вольно и широко
Ктò жизнь раскинулъ предо мной?

Или еще не отжила я
Моей весны всѣхъ лучшихъ дней?
Или еще не отцвѣтила я
Душой тревожною моей?

VII.

МОЛИТВА.

Молю тебя, Создатель мой:
Смири во мнѣ страстей волненье,
Избавь меня отъ искушенья,
Исполни кротости святой!

От грѣшныхъ чувствъ, отъ гордыхъ думъ
Обороти меня, Спаситель,
И озари мнѣ, Искупитель,
Небеснымъ свѣтомъ бѣдный умъ!

VIII.

ПРИТВОРСТВО.

Какъ часто слушаю ничтожный разговоръ
Съ участіемъ притворнымъ я и ложнымъ!
Вниманье полное изображаетъ взоръ;
Но мысли далеко и нà сердцѣ тревожно…
Какъ часто я смѣюсь, тогда, какъ изъ очей
Готовы слезы жаркія катиться!
О какъ бы я тогда бѣжала отъ людей!
Какъ сладко было-бъ мнѣ, одной, грустить, молиться!

IX.

ВЕЧЕРНЯЯ МЫСЛЬ.

Какъ хорошо ты, вечернее Майское небо!
Скоро ужь полночь, а ты и прозрачно и ясно!
Божьи лампады, звѣздочки, теплятся тихо;
Очи смыкаетъ дремота; но жаль мнѣ закрыть ихъ,
Неба не видѣть! и сну я предаться боюсь —
Богъ знаетъ, неволь увижу во снѣ?

X.

СОВѢТЪ.

Въ часъ, когда, волнуясь,
Суетныя страсти
Душу помрачаютъ,
Къ небесамъ лазурнымъ
Равнодушныхъ взоровъ
Ты не устремляй:
Не найдёшь отвѣта,
Не найдёшь отрады —
Будетъ лишь укоромъ
Неба чистота:
Звѣзды золотыя
На тебя посмотрятъ
Грустно, непривѣтно;
Метеоръ огнистый
Горкія мечтанья,
Тяжкія сомнѣнья
Въ сердцѣ зародитъ!

Но когда душа полна
Тишиной священною,
И когда святыя въ ней
Чувства пробуждаются,
И стремленіе къ добру,
Съ вѣрой и любовію —
На небо взгляни тогда:

Свѣтлыя, прекрасныя,
Дивно-безпредѣльныя
Небеса въ душѣ твоей
Отразятся — счастіемъ,
Неземнымъ, невѣдомымъ
Сердце усладятъ тебѣ.

XI.

БЫВАЕТЪ.

Чудесное что-то бываетъ порою со мной:
Въ душѣ нѣтъ ни горя, ни счастья, ни даже любви;
Безъ чувствъ равнодушно гляжу я на міръ и людей,
И кажется міръ мнѣ пустыннымъ, и мрачнымъ, и скучнымъ,
А люди какими-то куклами... я же сама —
Ничтожнымъ кажусь я созданьемъ, безъ воли и силы.
И если бы, мнится, въ этѣ минуты явилась
Мнѣ грозная смерть, со всемъ своимъ страннымъ величьемъ —
Она бъ не смутила меня, и я бъ тихо главу
Склонила, въ надеждѣ покой обрѣсти и забвенье.

XII.

Мнѣ грустно; осеннее небо угрюмо,
На улицахъ слякоть и грязь,
И вѣтеръ послѣдніе листья
Срываетъ съ поблёкшихъ деревьевъ.
Я вижу лишь сѣрое небо,
Да старые домы, да грязь!
Ни въ чемъ нѣтъ отрады кругомъ —
Ни сладкаго звука, ни милаго слова!...
Мнѣ грустно; въ прошедшее я загляну:
Тамъ тихо все, ясно и мило;
Тамъ рощи шумятъ и цвѣты разцвѣтаютъ,
И солнце играетъ въ ручьѣ;
Тамъ свѣтитъ луна и поетъ соловей,
И будитъ желанья въ душѣ;
Тамъ сердце спокойно и полно...
Прошло все давно и назадъ не вернется!

Мнѣ грустно; я въ душу свою загляну:
И зла, и добра въ ней довольно!
Въ ней есть и покорность Судьбѣ,
Въ ней есть и порывы къ роптанью;
Живетъ въ ней и теплая вѣра,
Заходитъ въ нее и сомнѣнье...
Да, есть въ ней и чувства святыя,
Въ ней есть и желанья земныя;

Всего же въ ней больше — любви!
Любовь въ ней господствуетъ чудно,
И мракъ освѣщаетъ мнѣ жизнь,
И сердце лелѣетъ и грѣетъ,
Святое въ немъ все пробуждая —
И радостно, весело мнѣ!...

XIII.

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты въ жизни разлюбишь, полюбишь,
А я, — никого, никогда!
Ты новыя лица увидишь,
И новыхъ друзей изберешь;
Ты новыя чувства узнаешь,
И, можетъ быть, счастье найдешь;
Я — тихо и грустно свершаю,
Безъ радостей, жизненной путь;
И какъ я люблю и страдаю,
Узнаетъ могила одна!

XIV.

МОЛИТВА.

Къ Тебѣ, Всемогущій,
Съ душой утомленной,
Печальной и мрачной,
Измученной жизнью,
Къ Тебѣ возношусь я
Мольбою усердной:
Пошли, Всеблагой, мнѣ
Отраду святую;
Своей благодатью
Печальное сердце
Мое озари,
И умъ помраченный,
Премудрость Святая,
Молю, просвѣти!

XV.

ВЪ СУМЕРКИ.

Я въ позднія сумерки часто
Сижу у окна и во мракѣ
Пою заунывныя пѣсни,
Иль думаю странныя думы,
Иль на домъ сосѣда взираю,
И вижу : мгновенно въ немъ окна
Свѣтлѣютъ, и свѣчи мелькаютъ ;
Мелькаютъ потомъ и головки,
Вечернюю жизнь начиная...
Порою мнѣ грустно бываетъ;
Порой же, лучь свѣта ко мнѣ пробиваясь,
Счастіемъ тихимъ меня обдаетъ.

XVI.

ПРИ ЧТЕНІИ ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Когда я, мыслію въ былыхъ вѣкахъ паря,
Читаю подвиги Великаго Царя,
Похвалъ и лестныхъ словъ ему я не пишу;
Но сладко, сладко мнѣ! и я едва дышу,
И чувствую: мой взоръ то гордостью горитъ,
То свѣтлою слезой смиренія блеститъ;
И хочется мнѣ все колѣна преклонить,
И, взоръ на небеса поднявъ, благодарить,
Благодарить Творца за миръ страны родной,
За славу, за Петра, за Царскій домъ святой.

XVII.

СОЖАЛѢНІЕ.

Какъ западъ запылалъ зарею золотой,
И небо чистое какимъ блаженствомъ дышетъ!
О, какъ прекрасно день веселый умираетъ!
Его я съ тихою, невѣдомой отрадой
Въ нѣмую вѣчность провожаю...
И рада я почти, что нѣтъ въ душѣ моей
Порывовъ и тревогъ, безумнаго волненья,
Любви безъ радости и счастья безъ надеждъ...
Да, рада я, что съ тишиной вечерней
Во мнѣ самой становится такъ тихо.
Бывало, прежде, я и плачу и тоскую,
Надѣюсь и люблю, желаю и мечтаю,
И рвуся въ даль; бывало, прежде я...
Нѣтъ! жалко мнѣ прошедшаго безумья,
И горькихъ слёзъ, и сладкаго страданья!

XVIII.

ВЕЧЕРЪ И УТРО.

Солнце ужь сѣло; зарею пурпурною западъ зажегся,
Небо свѣтло и прозрачно. Люблю въ это время сидѣть я
Передъ открытымъ окномъ, и смотрѣть на вечернюю зорю,
Какъ она, съ каждой минутой блѣднѣетъ, и звѣзды
Въ небѣ далекомъ одна за другой зажигаются ярко.
Думаю: рады онѣ удаленію жаркаго солнца —
Весело имъ и привольно мерцать безъ него на свободѣ;
Люди ихъ видятъ, любуются ими... Но тише и тише
Шумъ на землѣ, и заря золотая погасла, а звѣзды,
Съ каждой минутой яснѣй и яснѣе, блистаютъ на небѣ,
Тихо и сладостно дышетъ ночной вѣтерокъ, навѣвая
Мысли отрадныя! Какъ мнѣ пріятно сидѣть у окошка,
Воздухомъ теплымъ дышать, любоваться чудесною ночью!
Всего же пріятнѣе — думать, мой другъ, о тебѣ.

Спятъ еще всѣ; но ужь утро въ окно мое смотритъ привѣтно.
Алой зарею востокъ, какъ порфирой, одѣлся, и звѣзды
Гаснутъ поспѣшно одна за другой... Я съ укромнаго ложа
Тихо встаю, отряхая съ очей моихъ маки Морфея;
Въ садикъ зеленый окошко спѣшу отворить: какъ прохладно
Утренній воздухъ пахнулъ на меня! — и природа чего-то
Ждетъ съ нетерпѣніемъ! Рано по утру люблю на Востокъ я
Съ думою свѣтлой глядѣть — какъ онъ съ каждой минутой все больше
Золотомъ чуднымъ горитъ; но я лучше всего, милой другъ мой,
Въ этѣ минуты думать люблю о тебѣ!

XIX.

ТЕПЕРЬ НЕ ТО.

Ужь теперь не то, что было прежде!
Грустно мнѣ, какъ вспомню о быломъ:
Раскрывалась сладко грудь надеждѣ
И мечтамъ о счастіи земномъ;

Въ горе я вдавалась безотчетно,
Безъ сознанья радостна была
И впередъ глядѣла беззаботно,
Не страшася ни людей, ни зла.

Ужь теперь не то, что прежде было!
Равнодушно я гляжу на свѣтъ;
Въ сердцѣ грустно стало и уныло,
И желаній прежнихъ больше нѣтъ;

Жизнь теперь я лучше разумѣю:
Счастья въ мірѣ переставъ искать,
Безъ надежды я любить умѣю
И могу безъ ропота терять.

XX.

ЗВѢЗДЫ.

Хорошо голубое небо прояснилось;
Хорошо вы блестите, золотыя звѣздочки;
Дружно всѣ вы на землю смòтрите!
Много васъ горитъ на чистомъ небѣ,
А въ душѣ моей лишь одна звѣзда!
Ужь вы всѣ къ утру попритухнете,
А звѣзда моя будетъ ввѣкъ горѣть!
Что глядите вы, звѣзды, такъ пристально?
Что вы блещете — съ горя, аль съ радости?
Что отрадно мнѣ такъ смотрѣть на васъ?
Али вы меня понимаете,
Аль красой одной сердце тѣшите?...
Али нѣтъ у васъ ни горя, ни радости,
А одинъ только холодный блескъ?...

XXI.

ДВѢ СЕСТРЫ.

Одна была жива, рѣзва, безпечна,
На розовыхъ устахъ съ улыбкой вѣчной,
И съ живостью пріятной въ разговорѣ;
Въ ея разсѣянномъ, блестящемъ взорѣ
Слеза и горесть выражались рѣдко;
Въ осьмнадцать лѣтъ она была кокетка,
И взоръ уже приманивать умѣла
Атласнымъ плечикомъ и ручкой бѣлой.
По членамъ пробѣгалъ невольный трепетъ
У ней при звукахъ вальса иль кадрили,
И лесть мущинъ, притворно-нѣжный лепетъ
Порою ей до сердца доходили,
Хоть имъ она не вѣрила, и ловко
Качала, мило такъ, своей головкой;
Не отягчаясь грустной, тяжкой думой,
На жизнь она глядѣла не угрюмо,
А весело; и въ розовомъ все цвѣтѣ
Ей представлялось. Такъ на бѣломъ свѣтѣ
Живется хорошо!
Сестра другая...
Она была мила, прекрасна тоже,
И только годомъ съ небольшимъ моложе.
Прекрасна — да: всякъ, на нее взирая,
Мечтамъ предаться былъ готовъ невольно,
А сердцу сладко дѣлалось и больно...

И мнилось, что съ небесною улыбкой
На землю ангелъ залетѣлъ ошибкой!
Она тиха, стройна и граціозна;
Ея движенья важны и серьезны;
Рѣчь кроткая, взоръ скромный и печальный,
А голосъ сладостный и музыкальный.
Ей локоны густые осѣняли
Лице; уста порою выражали
Иронію и грусть; она любила,
Когда тоска ей душу тяготила,
Одна остаться, погрузиться въ думы;
Съ отрадою она внимала шуму
Густыхъ деревъ и птицъ весеннихъ пѣнью;
Въ волнахъ любила неба отраженье;
Невольную слезу и трепетъ груди
Она всегда старалась скрыть... и люди
Ея не понимали! И случалось,
Когда о лучшемъ въ жизни ей мечталось,
Свою головку оперши на руки,
Она въ душѣ вдругъ обрѣтала звуки
Чудесные; ихъ выразить желала;
Но, посмотрѣвъ вокругъ, вздыхала и молчала.

XXII.

КЪ .....

Съ какою тайною отрадой
Тебѣ всегда внимаю я!
Блаженства лучшаго не надо,
Какъ только слушать-бы тебя.
И сколько чувствъ святыхъ, прекрасныхъ,
Твой голосъ въ сердцѣ разбудилъ!
И сколько думъ высокихъ, ясныхъ
Твой чудный взоръ во мнѣ родилъ!
Ты говоришь — я постигаю
Съ иною жизнью міръ иной:
Онъ возникаетъ предо мной
Въ красѣ чудесной, неземной;
Я сердцемъ снова оживаю,
Любовь и счастье обрѣтаю!
Какъ дружбы чистый поцалуй,
Какъ сладкій отголосокъ рая,
Звучитъ мнѣ рѣчь твоя святая...
О, говори еще! чаруй меня, чаруй!

XXIII.

Я ПЛАЧУ.

Я плачу все о томъ, что сердце увядаетъ,
Что леденитъ его холодный свѣтъ,
И что его ни что, ни что не оживляетъ,
Что радости изчезнулъ легкій слѣдъ.
Я плачу и о томъ, что сладостной надеждѣ
По прежнему, предаться не могу;
Что не могу мечтать и плакать такъ, какъ прежде...
И плачу я, и слезъ не берегу!
Я плачу и о томъ, что скучно и ничтожно
Проходитъ быстро молодость моя;
Что ранняя тоска души моей тревожной
Мнѣ отравила прелесть бытія.
Я плачу и о томъ, что скучною машиной
Между людей я, тихо, прохожу;
Я плачу и о томъ, что въ мірѣ ни единой
Родной души себѣ не нахожу!

XXIV.

Что такъ неожиданно
Взоръ твой оживленъ,
И такой невиданной
Нѣжностью зажженъ?
Чѣмъ тебѣ повѣяло?
Иль былое, другъ,
Что насъ такъ лелѣяло,
Пробудилось вдругъ?
Иль тебѣ вновь видится
Ароматный садъ?
Или, снова, слышится
Какъ древа шумятъ,
Какъ заводитъ сладостно
Пѣсню соловей —
И свѣтло и радостно
На душѣ твоей?
Будто ожидаешь ты
Снова сладкихъ встрѣчь,
Будто, вновь, внимаешь ты
Чудную ту рѣчь...
И, всесильной властію,
Душу у тебя
Охватила страстію
Вновь любви змѣя?

XXV.

РУСАЛКА.

Робко къ рѣчкѣ дѣвушка
Подошла съ вѣнкомъ
И гадала-думала :
Поплыветъ, иль нѣтъ?
И вѣночикъ трепетно
Поднесла къ водѣ.
Вдругъ русалка рѣзвая
Ручкой бѣлоснѣжною,
Ничего не думая,
Унесла вѣнокъ.
И напрасно дѣвушка
Съ тайнымъ ожиданіемъ
На воду глядитъ :
Солнце золотое въ ней
Чудно отражается —
Будто бы другія въ ней
Небеса красуются,
Но вѣночка нѣтъ, какъ нѣтъ!
И печально голову
Преклонивъ къ груди,
Вотъ, садится дѣвушка
На берегъ крутой :
Омрачились скорбію
Ясные глаза
И алмазомъ чистымъ въ нихъ

Свѣтится слеза;
У другаго жъ берега
Въ тростникѣ густомъ
Голова виднѣется
Съ ивовымъ вѣнкомъ —
Кудри золотистыя
Тихо вѣтръ струитъ
И холодный взоръ очей
Радостью блеститъ;
Солнце отражается
Въ голубой рѣкѣ
И смѣется съ злобою
Голова въ вѣнкѣ.

XXVI.

ВЕЧЕРЪ.

Повсюду тишина: природа засыпаетъ
И звѣзды въ высотѣ, такъ сладостно, горятъ!
Заря на западѣ далекомъ потухаетъ;
По небу облачки едва, едва скользятъ.
О, пусть моя душа, больная, насладится
Такою же отрадной тишиной!
Пусть чувство въ ней святое загорится
Вечернею, блестящею звѣздой!
Но отъ чего я такъ тоскую и страдаю?
Кто, кто печаль мою пойметъ и усладитъ?
Я ничего теперь не жду, не вспоминаю;
Такъ чтожъ въ моей душѣ?... Вокругъ меня все спитъ;
Ни въ чемъ отвѣта нѣтъ... лишь огненной чертою
Звѣзда падучая блеснула предо мною.

XXVII.

КОРОТКАЯ ПОВѢСТЬ.

Они оба такъ молоды были,
И другъ друга такъ нѣжно любили!
Мало счастья дано имъ въ удѣлъ —
Имъ разсудокъ разстаться велѣлъ.
Они, бѣдные, плакали много,
И пошли въ жизни разной дорогой.
Долго, тяжко, страдала она,
Непонятнымъ недугомъ полна;
Но житейское, шумное море
Заглушило глубокое горе —
Побѣдила холодная власть,
И погасла безумная страсть!
Какъ обидно и больно имъ было!
Время ихъ ужь теперь исцѣлило;
Но грустятъ все порою они,
Вспоминая минувшіе дни.

XXVIII.

ИСКУШЕНІЕ.

Все спитъ вокругъ меня спокойнымъ, сладкимъ сномъ;
Не сплю лишь я одна въ безмолвіи ночномъ!
Полна томительныхъ съ самой собою битвъ,
Напрасно я ищу спасающихъ молитвъ,
Напрасно ихъ зову на грѣшныя уста —
Душа моя земнымъ, ничтожнымъ занята!
Ей грустно, тяжело! Есть слезы на очахъ;
Но я ихъ лью... не о грѣхахъ!

XXIX.

ИСТОРІЯ ЦВѢТОВЪ.

Въ весеннее время
Цвѣты распускались
Роскошною жизнью.
Отъ чудныхъ листочковъ
Неслись ароматы
И нѣжили чувства;
Ихъ солнце ласкало,
Живило и грѣло;
А ты, въ вечеръ ясный
По саду гуляя —
Ты жадно вдыхала
Ихъ запахъ отрадный,
И ручкой лилейной
Ихъ тихо срывала.
Вотъ, къ груди горячей
Безумцы склонялись
И медленно гибли;
А ты, предаваясь
Мечтамъ перелетнымъ,
Смотрѣла на звѣзды,
О нихъ забывая.
Но счастье умчалось!
Но солнце сокрылось,
И вѣтерь осенній
Уныло качаетъ

Печальныя вѣтви
Деревъ обнаженныхъ;
А ты, по алеѣ
Бродя, одинока,
Тоскуешь, жалѣешь
О прошломъ блаженствѣ,
О радостяхъ сердца
Мгновенно-прекрасныхъ;
На мрачное небо
Порою взираешь,
И ножкой-малюткой
Безжалостно топчешь
Послѣдніе листья
Минутныхъ счастливцевъ!

XXX.

Я люблю смотрѣть
Въ ясну ноченьку,
Какъ горятъ въ небѣ
Ярки звѣздочки,
Какъ блеститъ въ лучахъ
Молодой мѣсяцъ —
Въ Волгѣ-рѣченькѣ
Отражается,
Чистымъ сѣребромъ
Разливается.
Я люблю слушать,
Какъ шумятъ листы,
Съ вѣтеркомъ ночнымъ
Сладко шепчутся;
Я люблю слушать,
Какъ журчатъ струи,
Къ берегамъ рѣки
Нѣжно ластятся;
И когда всѣ спятъ
Сладкимъ, крѣпкимъ сномъ, —
Мнѣ не хочется
Покидать окна,
Мнѣ не хочется
Перестать глядѣть
Въ небо свѣтлое,
Въ Волгу-рѣченьку!

XXXI.

НЕПОНЯТНОЕ.

Бываютъ минуты — мнѣ ихъ не понять —
То чудныя въ жизни минуты бываютъ!
Вдругъ звукомъ чудеснымъ я стану внимать,
И въ душу тѣ звуки ко мнѣ западаютъ;
И чудно все станетъ свѣтлѣй предо мною —
Какъ тяжкое бремя съ души упадетъ,
И сердце не ноетъ тяжелой тоскою,
И горе мірское его не гнететъ.
Но свѣтлое счастье проходитъ; и снова
Лежитъ предо мною печальная степь!
И все потемнѣетъ — нѣтъ мысли, нѣтъ слова:
На чувства наброситъ существенность цѣпь.

XXXII.

Опять спокойно надо мной
Сіяютъ небеса,
И безотчетною слезой
Блестятъ мои глаза;
Опять, опять въ душѣ моей
И тихо, и свѣтло —
Какъ будто счастье прежнихъ дней
Опять ко мнѣ пришло!
И сердце бьется... и полно́,
Опять любви святой —
Земное въ немъ заглушено
Небесной тишиной!
Мнѣ мнится: Ангелы летятъ
Въ прозрачной вышинѣ;
Звѣздами очи ихъ горятъ
И льютъ отраду мнѣ!

XXXIII.

МОЛИТВА.

Міра Заступница, Матерь всепѣтая!
Я предъ Тобою съ мольбой:
Бѣдную грѣшницу, мракомъ одѣтую,
Ты благодатью прикрой.

Если постигнутъ меня испытанія,
Скорби, утраты, враги —
Въ трудный часъ жизни, въ минуту страданія,
Ты мнѣ, молю, помоги.

Радость духовную, жажду спасенія
Въ сердце мое положи;
Въ царство небесное, въ міръ утѣшенія
Путь мнѣ прямой укажи.

XXXIV.

ДИТЯ.

Съ какой печальною, смущающею думой,
Малютка, предъ тобой безмолвно я стою!
Ахъ, чувства тяжкія волнуютъ грудь мою!
Здѣсь, въ этой комнаткѣ, удалена отъ шума,
Здѣсь я могу, дитя, не скрыть слёзы моей
И при тебѣ излить тоску мою могу я;
Но ты играй, мой другъ; пытающихъ очей
Ко мнѣ не обращай, и лаской поцалуя
Мнѣ горе усладить не покушайся! Дай
Поплакать мнѣ одной, въ тиши; не узнавай,
О чемъ я плачу такъ, о чемъ я такъ страдаю,
За чѣмъ отъ всѣхъ свои страданія скрываю!
Ты такъ же слёзъ моихъ, какъ люди, не поймешь;
Но какъ они, ты ихъ, мой другъ, не осмѣешь...

XXXV.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Я видѣла тебя души моей очами:
Ты радостенъ, ты чуденъ, свѣтелъ былъ,
И, окруженъ небесными лучами,
На небеса свой взоръ, съ мольбою возводилъ.
Твой кроткій ликъ сіялъ святымъ привѣтомъ,
Ты осѣнялъ меня спасительнымъ крыломъ...
Какимъ божественнымъ, отраднымъ, дивнымъ свѣтомъ
Ты былъ проникнутъ весь, въ величьи не земномъ!
Я съ тихимъ трепетомъ на свѣтлаго взирала,
И все въ моей душѣ, восторженной, молчало.

XXXVI.

Я все еще его, безумная, люблю!
При имени его душа моя трепещетъ;
Тоска по прежнему сжимаетъ грудь мою,
И взоръ горячею слезой невольно блещетъ.

Я все еще, безумная, люблю!
Отрада тихая мнѣ душу проникаетъ
И радость ясная на сердце низлетаетъ,
Когда я за него Создателя молю.

XXXVII.

ЖИЗНЬ И МОРЕ.

(ДУМА).

Жемчужныя волны угрюмаго моря!
Куда вы стремитесь, куда вы спѣшите,
Толкая другъ друга? У васъ вѣдь нѣтъ горя,
Заботы житейской! Куда жъ вы бѣжите,
Съ тревогой, стараясь ничтожить другъ друга?
И васъ не уже ли холодныя страсти
И черная зависть людскаго недуга
Тревожатъ и движутъ? Какой вы напасти
Спѣшите избѣгнуть въ безплодномъ бореньи?
Иль берегъ душистой васъ къ пристани вѣрной
И тянетъ и манитъ красою творенья?
Но вѣтръ утихаетъ, и снова безмѣрной
Пучины спокойна поверхность, и волны
Не бьются, не рвутся, не ропщутъ, не плещутъ;
Въ нихъ небо глядится, и утлые челны
Плывутъ безопасно, и солнышко блещетъ;
А люди?... житейское, бурное море
Волнуется вѣчно страстями и горемъ!

XXXVIII.

КЛАДЪ.

Есть кладъ у меня дорогой, многоцѣнный!
Глубоко, глубоко онъ въ сердцѣ лежитъ!
Его не открою толпѣ я презрѣнной —
Въ могилу со мною онъ будетъ зарытъ.
За чѣмъ отъ людей мнѣ участія маска?
За чѣмъ ихъ холодный и глупый привѣтъ?
Притворна хвала ихъ, обманчива ласка;
На пѣсни, на чувства мнѣ отклику нѣтъ.
Да! кладъ дорогой ото всѣхъ утаю я,
Не стану мой перлъ подъ ногами сорить!
Онъ счастье мое! имъ горжусь, имъ живу я;
А люди не знаютъ ни жить, ни любить!...

XXXIX.

РЕБЕНКУ.

(дума).

Ты сладко спишь теперь, прекрасное дитя;
Ты улыбаешся безпечно и свободно.
Спи, ангелъ мой, пока лелѣютъ сны тебя,
Пока язвительнымъ дыханьемъ свѣтъ холодный
Еще твоей души невинной не затмилъ!
Я съ грустнымъ на тебя участіемъ взираю,
И угадать, мой другъ, Судьбу твою желаю:
Что́ въ мірѣ для тебя Творецъ опредѣлилъ?
Пойдешь ли въ жизни ты дорогой гладкой, ровной,
Безъ сильныхъ чувствъ и безъ блестящихъ грезъ,
И не стремясь поднять ея завѣсы тёмной,
Не будешь знать тоски, мученья, горькихъ слёзъ?
Иль вдругъ безумныя желанія родятся
Въ душѣ взволнованной и жаждущей твоей,
И дерзкіе въ умѣ вопросы зароятся?
И съ сожалѣньемъ ли ты будешь на людей
Смотрѣть, мой милый другъ, иль чуждый ихъ утѣхъ,
И полный мрачнаго на нихъ негодованья,
Возненавидишь ихъ нелѣпый судъ и смѣхъ,
Всѣ ихъ ничтожныя, нелѣпыя страданья?
И муки тайныя, душевныя твои,
И сердца скорбнаго тяжелое волненье
Придутъ ли замѣнить — святое наслажденье,
Очарованія и радости любви?
Иль будешь все искать напрасно и безплодно

Ты счастья высшаго, и дружбы и добра,
Встрѣчая лишь разсчетъ и эгоизмъ холодный?
Тогда, дитя, мнѣ жаль тебя!... Была пора,
Когда и на меня задумчиво смотрѣли,
И, также, угадать судьбу мою хотѣли!

XL.

НОЧЬ.

Вѣетъ, вѣетъ, вѣетъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка;
Свѣтятъ звѣзды въ небѣ радостно;
Отражаетъ ихъ рѣка;
И, въ раздумьи, наклонилися
Вѣтви гибкія дерёвъ;
И, какъ звѣзды, засвѣтилися
Свѣтляки среди кустовъ.
Дышетъ все святой отрадою
На землѣ и въ вышинѣ;
Ночь весенняя прохладою
Освѣжаетъ сердце мнѣ —
Что-то въ душу чудно просится,
Проникаетъ въ глубину,
И, невольно, мысль уносится
Все туда, все въ вышину!
Вѣетъ, вѣетъ, вѣетъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка;
Свѣтятъ звѣзды въ небѣ радостно...
Спитъ на днѣ души тоска!

XLI.

ЛЮБОВЬ.

Она кротка и терпѣлива,
Порой смѣла, краснорѣчива;
Въ ней нѣтъ ни хитрости, ни зла!
И милосерда и добра,
Она обиды забываетъ;
Всѣхъ любитъ, все благословляетъ;
Невѣрія въ ней тѣни нѣтъ;
Ее не знаетъ грубый свѣтъ —
Она его проходитъ мимо;
За то звѣздой неугасимой
Въ сердцахъ избранниковъ горитъ,
И счастьемъ неба ихъ даритъ.

XLII.

НЕВЫДЕРЖАННАЯ БОРЬБА.

Боролась я долго съ суровой судьбой —
Душа утомилась неровной борьбой!
Всей силой надежды я въ сердцѣ хранила;
Но силы не стало — судьба ихъ убила,
И я, съ затаенной глубоко тоской,
Склонилась смиренно предъ мощной судьбой.
Что дѣлать? Мнѣ стыдно, и грустно и больно...
И лью я горючія слезы, невольно.

XLIII.

Все ты уносишь, нещадное время —
Горе и радость, дружбу и злобу;
Все забираешь всесильнымъ полётомъ;
Что же мою ты любовь не умчало?
Знать позабыло о ней ты, сѣдое;
Или ужь слишкомъ глубоко мнѣ въ душу
Чувство святое запало, что взоръ твой,
Видящій все, до него не проникнулъ?

XLIV.

Бывало прежде, я для чувствъ искала словъ,
Старалась толковать значенья легкихъ сновъ;
Бывало дружески я говорить любила
О томъ, что сердцу дорого и мило;
Бывало юною, безумною душой
Звала къ себѣ надеждъ кипучій легкій рой;
Бывало свѣтлыя, завѣтныя мечтанья
И думы горькія, и тайныя страданья
Бесѣдой искренней любила услаждать.
Или стихомъ невѣрнымъ выражать.
Не то теперь: о всемъ, что въ сердцѣ чудно
Живетъ, мнѣ говорить томительно и трудно;
Я льстивыя надежды прочь гоню,
Въ душѣ печаль и радость хороню;
Мечтаю мрачно, горестно и рѣдко,
И съ устъ моихъ порой насмѣшки ѣдкой
Стрѣла летитъ; холодность я сношу
Съ терпѣньемъ; у людей вниманья не прошу.
И часто чувствъ тяжелое волненье
Скрываю подъ личиною презрѣнья;
И не смутятъ меня теперь ни дерзкой взоръ.
Ни приторно-лукавый разговоръ;
Умѣю я, когда мнѣ тяжело и грустно.
Веселою прикинуться искусно;
Тая волненія восторженной души,
Поплакать о быломъ люблю, одна, въ тиши...
Я, жалкое, безсильное созданье,
Люблю мое безумное страданье?

XLV.

ВОПРОСЪ О СЧАСТІИ.

Прекрасенъ порою міръ Божій бываетъ!
Сего дня, проснувшись, окно я открыла:
Создатель! какъ чудно свѣтило мнѣ солнце!
Сирень распустилась роскошно, и, будто
Привѣтствуя съ утромъ, легонько вѣтвями
Въ окно мнѣ кивала; исполнены жизни
И тайны, зеленыя листья тѣснились
Вкругъ вѣтокъ лиловыхъ — ихъ шопотъ мнѣ чуднымъ
Казался и въ сердце струился отрадой.
Склонясь на окошко, я странному чувству
Тогда предалася: весь міръ, разцвѣтая,
Съ любовію, мнилось, мнѣ въ душу тѣснился;
И что же? весь міръ обнимая душою,
Я сердцемъ чего-то искала напрасно!
Цвѣты, дерева, небеса вопрошала —
Безмолвно гладѣло далекое небо;
Деревья шумѣли, какъ будто сердито,
Цвѣты же печально головки склоняли...
Отвѣтъ поняла я, и грустно сказала:
Прекрасенъ порою міръ Божій бываетъ,
Но жалко, что счастья въ немъ нѣтъ!

XLVI.

Меня гнететъ тоски недугъ;
Мнѣ скучно въ этомъ мірѣ, другъ;
Мнѣ надоѣли сплетни, вздоръ —
Мущинъ ничтожный разговоръ,
Смѣшной, нелѣпый женщинъ толкъ,
Ихъ выписные бархатъ, шолкъ,
Ума и сердца пустота
И накладная красота.
Мірскихъ суетъ я не терплю,
Но Божій міръ душой люблю,
Но вѣчно будутъ милы мнѣ,
И звѣздъ мерцанье въ вышинѣ,
И шумъ развѣсистыхъ дерёвъ,
И зелень бархатныхъ луговъ,
И водъ прозрачная струя,
И въ рощѣ пѣсни соловья.

XLVII.

ТЯЖЕЛЫЙ ЧАСЪ.

Что чувствовала я въ минуту роковую,
И сколько я въ тотъ часъ перестрадала —
То знаетъ Богъ, то знаетъ это сердце!
Казалось, все во мнѣ убито было;
Способность лишь страдать одна мнѣ оставалась —
Способность жалкая! Я все пережила...
Я думаю, что самый смерти часъ
Не можетъ быть труднѣе и ужаснѣй.
Смерть — что̀ она? Покой, забвенье, сонъ,
Блаженство, можетъ быть... а въ ту минуту
Ни умереть и ни уснуть я не могла!

XLVIII.

Блистаютъ златистыя звѣзды;
Прекрасно далекое небо;
Прекрасна земля, озаренная небомъ...
И вотъ изъ сосѣдняго дома
Несутся отрадные звуки —
Въ нихъ горе и радость, и къ небу стремленье.
Гляжу я на звѣзды, внимаю я звукамъ...
Мнѣ хочется въ небо!

XLIX.

НОКТУРНО.

Полночь глухая. Ты думаешь : все ужь уснуло,
Всё тихо и міръ, какъ кладбище, безмолвенъ.
Неправда! Прислушайся: шепчутъ въ просонкахъ деревья,
Кузнечикъ въ высокой травѣ разпѣваетъ.
Прислушайся къ сердцу: безмолвно ль оно?
Прислушайся къ думамъ своимъ: молчитъ ли твой умъ?
Мой другъ! въ нашей жизни нѣтъ тишины совершенной!
Безмолвна лишь смерть; но и въ этомъ безмолвьи
Отыщешь ты что-то такое, что страшно,
И сладко и чудно душѣ говоритъ.

L.

ЦВѢТОКЪ.

Сорвалъ ребенокъ цвѣтокъ, и бѣдный увялъ чрезъ минуту —
Грустно головку склонивъ, ароматъ, красу потерялъ.
Жалко дитятѣ стало цвѣточка; но — поздная жалость!
Къ жизни прекрасной ни что ужь его не воротитъ теперь —
Ни солнца лучи, ни ласки зефира, ни перлы росы.
Люди, вы — дѣти! Да, безразсудно, какъ дѣти, вы рвете
Вашего счастья цвѣты, и, какъ дѣти, жалѣете поздно...
Не оживитъ ихъ ни что, и ни что ихъ красы не воротитъ:
Ни золота блескъ, ни славы улыбка, ни жаркія слёзы!

LI.

ВѢТЕРЪ.

Ахъ, ты буйный вѣтръ, порывистый!
Смѣло вѣешь ты по поднебесью,
Надвигаешь ты тучи черныя,
Подымаешь валы на синёмъ морѣ,
Преклоняешь къ землѣ дубы древніе!
Къ тебѣ съ просьбой я обращаюся,
Къ тебѣ, вольному и могучему:
Я послать съ тобой хочу посылочку,
Что посылочку не тяжелую;
Ты снеси ее другу милому,
Ты доставь ее другу въ цѣлости!
Та посылочка — мой глубокій вздохъ;
Получа его, онъ и самъ вздохнетъ!
Что же, буйный вѣтръ, такъ утихнулъ ты —
Не волнуешь ужь моря синяго,
И не клонишь къ землѣ дубы древніе,
Не вздымаешь пыль по дороженькѣ?
Знать не въ мочь тебѣ моя посылочка,
Не подъ силу знать мой глубокій вздохъ!

LII.

СОЛОВЕЙ.

Полно! будетъ ужь, соловей мой, пѣть:
Сладки пѣсни твои, но не радостны;
Не прельстишь ты меня трелью звонкою,
Не прельстишь пѣснью переливчатой;
Подъ твои звуки не забудусь я,
Твоихъ пѣсенокъ не заслушаюсь!
Я послаще ихъ рѣчи слушала,
И текли онѣ прямо въ душу мнѣ,
Обливали мнѣ сердце счастіемъ!
Вотъ, такъ тѣхъ рѣчей я заслушивалась,
И подъ звуки ихъ забывалася!
Полно! будетъ ужь, соловей мой, пѣть:
Подъ твои трели не забудусь я,
Твоихъ песенокъ не заслушаюсь —
Лишь въ душѣ моей грусть пробудится.

LIII.

ЖАЖДА НЕБЕСНАГО.

Исцѣли меня, Благость превѣчная!
Исцѣли мои раны сердечныя!
Предъ Тобою я въ прахѣ лежу,
И небесной отрады прошу.

О, возьми Ты всѣ блага наружныя,
Услади мою душу недужную,
И божественной силой любви
Благотворно меня оживи.

Уничтожь во мнѣ, силой чудесною,
Все земное; пошли мнѣ небесное!
О небесномъ молю я въ тиши —
Не отвергни моленій души!

LIV.

БАБУШКИНЪ САДЪ.

Ахъ, бабушкинъ садъ!
Какъ счастливъ, какъ радъ
Тогда я бывалъ,
Какъ въ немъ я гулялъ,
Срывая цвѣты
Въ высокой травѣ,
Лелѣя мечты
Въ моей головѣ...
Ахъ бабушкинъ садъ!
Живой ароматъ
Цвѣтущихъ кустовъ,
Высокихъ деревъ
Гдѣ вечерь и день
Проспживалъ я,
Гдѣ сладко меня
Лелѣяла лѣнь!...
А бабушкинъ садъ!
Какъ былъ бы я радъ
Опять погулять,
Опять помечтать
Въ завѣтной тѣни,
Въ отрадной тиши —
Всѣ скорбные дни,
Всё горе души
На мигъ позабыть
И жизнь полюбить!

LV.

ПОЛУРАЗГАДАННЫЙ ВОПРОСЪ.

За чѣмъ при немъ всегда я такъ глупа бываю?
За чѣмъ молчу тогда, какъ говорить желаю?
За чѣмъ, невольнаго смущенія полна,
Я слушаю его, счастлива и грустна?
За чѣмъ, даря меня отрадой и тоскою,
Упрямая мечта вездѣ слѣдитъ за мною?
Чтò пробуждается въ душевной глубинѣ?
Уже ль?... О Боже! Страшно мнѣ!

LVI.

МОНОЛОГЪ.

Куда сложить тяжелый грузъ души?
Кому повѣдать скорбь, гнетущую мнѣ сердце?
Вокругъ меня людей знакомыхъ много,
И многіе меня бы стали слушать;
Но гдѣ найду я теплое участье?
Гдѣ душу обрѣту, съ сочувствіемъ отраднымъ,
Которая со мной всѣ радости и горе
Понять и раздѣлить могла бы непритворно?
Кому я укажу на это небо,
Покрытое блестящими звѣздами?...
Мнѣ скажутъ равнодушно: хорошо —
И не поймутъ души моей волненья!
Да, не поймутъ, какъ всю меня проникла
Непостижимая и тайная отрада,
Какъ съ каждыя блестящія звѣзды —
Потокомъ огненнымъ въ меня струятся чувства,
Какъ мой языкъ съ невольнымъ увлеченьемъ
Тревожныя лепечетъ рѣчи,
И слёзы медленно изъ глазъ моихъ катятся...
И еслибъ кто увидѣлъ эти слезы —
Съ какой улыбкою взглянулъ бы тотъ на нихъ,
Съ какой холодостью-бъ спросилъ: о чемъ я плачу?
Потомъ, съ насмѣшкою, невыносимо глупой,
Меня бы онъ мечтательницей назвалъ!...
Ктожь объяснитъ души моей волненье?

LVII.

Любовь усыплю я, пока еще время холодной рукою
Не вырвало чувства изъ трепетной груди!
Любовь усыплю я, покуда безумно своей клеветою,
Святыню ея не унизили люди.
Любовь усыплю я; пусть чувства святаго
Ничто недостойное здѣсь не коснется!
Ее усыплю я для міра земнаго —
Пускай въ небесахъ она сладко проснется!

LVIII.

Много капель свѣтлыхъ
Въ сине море падаетъ,
Много искръ небесныхъ
Людямъ посылается.
Не изъ каждой капли
Чудно образуется
Свѣтлая жемчужина,
И не въ каждомъ сердцѣ
Искра разгарается
Пламенемъ живительнымъ!

„Пожалуйте" записывать бъ себѣ!
Въ дверяхъ фигура няньки восклицаетъ
И мнѣ прилично чиновой кивать.—

Простите вы меня не осуждайте,
Что въ прозу васъ такую завлекла..
Что дѣлать! Совѣстно самой. Но дайте
Прійдти весны, тогда и прозы мгла
Разсѣется во мнѣ. Теперь прощайте!
Пускай васъ Небеса хранятъ отъ зла
Имѣю честь остаться, въ заключенье,
Къ вамъ навсегда я въ полномъ уваженьи.

Ю. Жадовская.—

Э. И. Губеру.

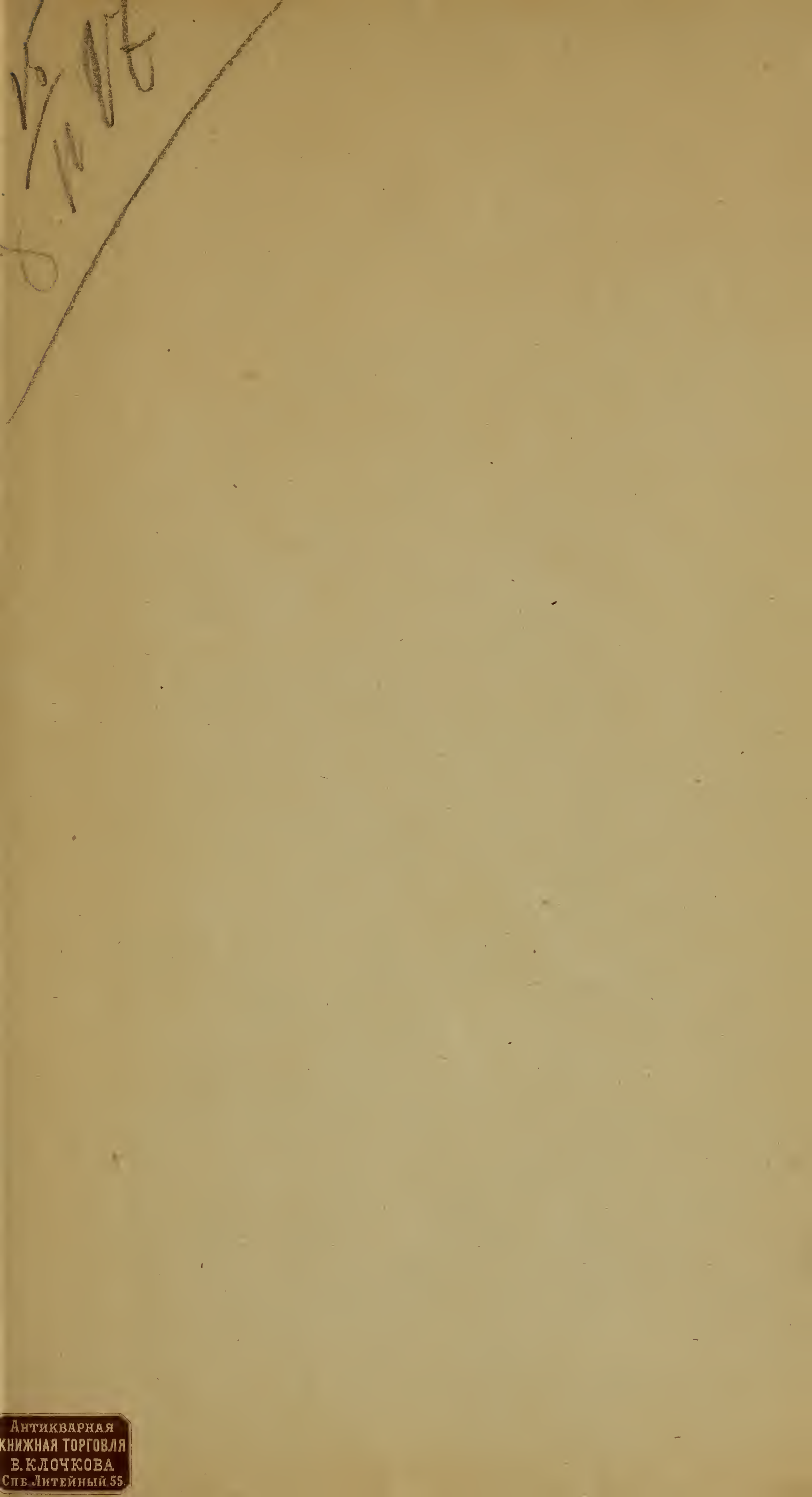
Среди прозаическихъ заботъ,
Среди ничтожностей провинціальныхъ,
Улыбокъ, лицъ оффиціальныхъ,
Сквозь скуки и приличій лёдъ,

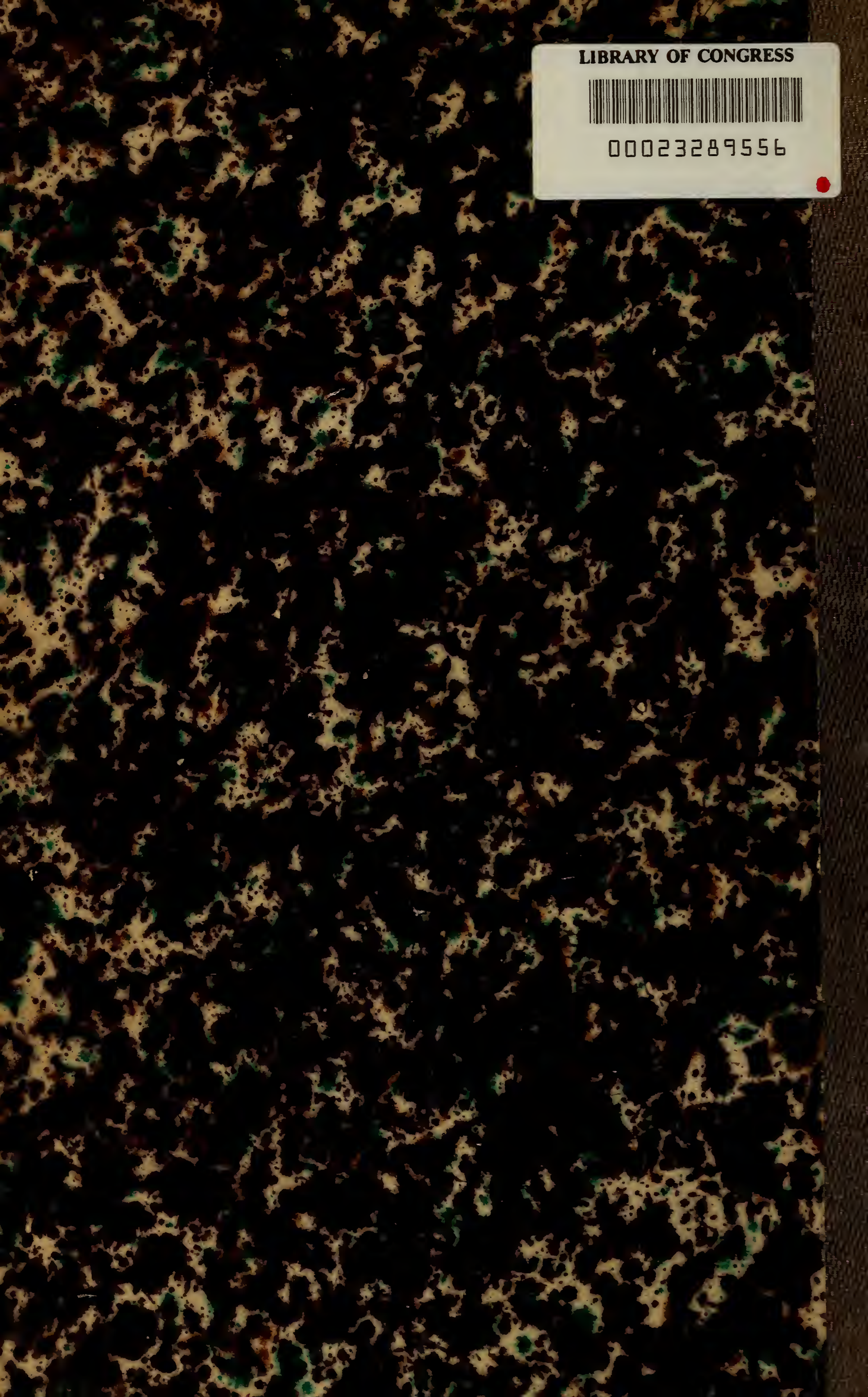
Визитовъ, сплетенъ, лабиринтъ,
Блеснулъ мнѣ вашъ привѣтъ радушный:
Однажды такъ, дорогой скучной
Развѣтвшійся пышно гіацинтъ

На грязной станціи мелькнулъ
Передо мной; забывъ усталость,
Цвѣткомъ я долго любовалась,—
Онъ мнѣ поэзіей пахнулъ.

Ю. Ж.

Александра Платоновича
ИЗЪ БИБЛIОТЕКИ
ПЕРЕЛЕШИНА

Антикварная
книжная торговля
В. Клочкова
Спб. Литейный 55.

LIBRARY OF CONGRESS
00023289556